

КТО-ТО ВСЕГДА НАБЛЮДАЕТ.

ТИХИЙ КОНТРОЛЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

НАТАЛИ МОРРОУ

Натали Морроу

Тихий контроль

<https://litres.ru/74192677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга психологической трилогии «Тихий контроль».

Со стороны у Эммы нормальная жизнь. Муж, дом, привычный порядок. Только этот порядок почему-то всё чаще похож на клетку.

Даниэль не кричит и не поднимает руку. Он просто знает, как заставить её сомневаться в себе. Что она неправильно помнит. Слишком остро реагирует. Придумывает проблемы там, где их нет. И постепенно Эмма перестаёт понимать, где заканчивается забота и начинается контроль.

Когда в её жизни появляется имя пропавшей женщины, всё меняется. Теперь Эмме нужно выяснить, кем на самом деле является её муж. И главное, успеть понять это раньше, чем он убедит всех, что проблема всегда была только в ней.

Содержание

Глава 1. Зонт	4
Глава 2. Возвращение	21
Глава 3. После закрытия	53
Глава 4. Привычка	73
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Натали Морроу

Тихий контроль

Глава 1. Зонт

К трём часам дождь окончательно добил Мейпл-стрит. Вода стекала по витрине неровными дорожками, размывала вывески напротив, фары машин, лица людей под зонтами. Прохожие втягивали головы в плечи, перепрыгивали лужи и смотрели на небо так, будто город лично решил испортить им день.

В такие дни книжный магазин превращался в убежище. Люди заходили внутрь мокрые, раздражённые, с пластиковыми стаканчиками кофе и пакетами, которые вот-вот должны были развалиться от воды. Кто-то прятался от ливня на пять минут. Кто-то бродил между полками дольше, чем собирался. Иногда человек приходил за книгой, а уходил с книгой, открыткой, свечой и ощущением, что день ещё можно не списывать в утиль.

Эмма любила такие дни. Вслух она бы этого не признала. Слишком похоже на фразу с открытки, где рядом с осенними листьями обязательно стоит чашка какао. Но дождь делал магазин тише. Честнее, что ли.

В солнечную погоду люди влетали сюда на ходу, говорили

в телефон, бросали взгляд на новинки, спрашивали, где касса. В дождь приходилось останавливаться. А останавливаться умели далеко не все. Эмма сидела за прилавком, поджав одну ногу под себя, и смотрела на страницу рукописи так, будто та лично её оскорбила. На полях уже не осталось свободного места. Красный карандаш лежал между пальцами. Рядом остывал кофе, который она налила себе утром и с тех пор только разбавляла горячей водой, надеясь вернуть ему хотя бы отдалённое сходство с кофе.

Не вернула. В чашке стояла тёмная горькая жидкость с привкусом финансовой безысходности. Она перечитала абзац в четвёртый раз. Героиня стояла у окна. За окном шёл дождь. Внутри неё тоже шёл дождь. Эмма закрыла глаза, положила карандаш на стол и откинулась на спинку стула. Внутри неё сейчас сидел маленький злой бухгалтер и считал, сколько страниц осталось до вечера.

Колокольчик над дверью звякнул. В магазин вошла миссис Полсон. На ней был бежевый плащ, мокрый по плечам, и шляпа, которая выглядела так, будто пережила две войны, один развод и ещё несколько событий, о которых лучше не спрашивать. Она всегда приходила по пятницам. Всегда покупала любовные романы. Всегда делала вид, что ужасно занята и вообще зашла на минуту. Сегодня была среда, что уже само по себе выглядело подозрительно.

Миссис Полсон стянула с головы шляпу, стряхнула с неё воду прямо на коврик у входа и посмотрела на Эмму так,

словно та была обязана объяснить, почему на улице льёт.

— У тебя есть что-нибудь для мужчины, который считает, что книги ему не нужны?

Эмма опёрлась локтями о прилавок.

— Умер?

— Живее всех живых. К сожалению.

— Тогда есть шанс.

Миссис Полсон поставила на прилавок тяжёлую сумку.

— У него день рождения в субботу. Семьдесят один. Он говорит, что у него всё есть.

— Обычно это говорят мужчины, у которых есть гараж, давление и мнение по любому вопросу.

Миссис Полсон посмотрела на неё поверх очков.

— Я не за этим сюда пришла.

— Я знаю. Но вы же не можете просто прийти, купить подарок и уйти. Это было бы слишком просто.

Уголок её рта дрогнул.

— Он любит историю.

— Настоящую историю или ту, где всё объясняют мужики с картами и серьёзными лицами?

— Второе.

Эмма вышла из-за прилавка и направилась к полке с нон-фикшном. Магазин был небольшим, но она знала здесь всё: какая доска на полу скрипит, на какой полке летом выцветают корешки, где лежат книги, которые никто не покупает, но которые жалко убирать. В каком ящике у кассы спрятаны

шоколадные батончики, потому что на виду они исчезают за два дня. Она провела пальцем по корешкам, достала одну книгу, затем вторую.

— Вот эту не берите. Там шестьсот страниц про войну, а он уснёт на девятой.

— Он скажет, что дочитал.

— Конечно. И ещё расскажет гостям, что у автора хорошая перспектива.

Миссис Полсон фыркнула. Эмма протянула ей другую книгу.

— Вот эта. Небольшая, но не примитивная. Там есть реальные люди, нормальная история и ни одной главы, где кто-то полчаса объясняет, как стоял флот.

Миссис Полсон перевернула книгу, прочитала аннотацию.

— Ты уверена?

— Я ни в чём не уверена. Но за эту могу поручиться.

— Ты слишком самоуверенная для человека, который сидит в магазине целыми днями.

Эмма улыбнулась.

— Это мой магазин. Я могу быть здесь какой угодно.

Миссис Полсон подняла на неё взгляд.

— Да. Можешь.

Три года назад Эмма подписала бумаги, от которых потом неделю просыпалась среди ночи. Ей казалось, что она купила не магазин, а большую дорогую проблему с крышей, нало-

гами, арендой и старым холодильником, который гудел так, словно внутри мучительно умирал небольшой двигатель.

Потом она открыла дверь в первое утро. Включила свет. Расставила новые книги на полке. Сварила кофе в крошечной подсобке. И поняла: всё это теперь её. Не мечта. Не красивый план. Её ответственность.

Иногда от этой ответственности хотелось спрятаться под одеяло и не выходить неделю. Но всё равно было лучше, чем снова работать там, где кто-то другой решает, что ей читать, что продавать и сколько улыбаться покупателям.

— Завернуть? — спросила она.

— Нет. Я сама. Он любит разворачивать подарки медленно. Как будто там может оказаться что-то ценное.

— Очень мудро с его стороны.

Миссис Полсон расплатилась, забрала книгу и снова нахлобучила шляпу. У самой двери она обернулась.

— И перестань пить эту бурду.

Эмма посмотрела на чашку.

— Это кофе.

— Нет, дорогая. Это месть.

Дверь стукнула, и миссис Полсон исчезла за стеклом. Эмма вернулась за прилавком, взяла карандаш и посмотрела на рукопись. Героиня всё ещё стояла у окна. Внутри неё, судя по всему, продолжался сезон дождей.

— Ну давай, — пробормотала Эмма. — Удиви меня.

Телефон рядом с кассой завибрировал. Сообщение от по-

ставщика. Задержка поставки. Ещё на четыре дня. Эмма открыла таблицу заказов и начала переставлять цифры. Дождь усилился. По стеклу барабанило так, что колокольчик над дверью потерялся в этом шуме. Она заметила нового посетителя, только когда в проходе мелькнула тень. У входа стоял мужчина. Высокий. Тёмные волосы, немного седины на висках. Тёмное пальто промокло по плечам, но он держался так, словно не видел в этом повода для раздражения. В одной руке он сжимал сложенный зонт. В другой ничего.

Он не бросился к ближайшей полке и не начал разглядывать ценники. Сначала посмотрел на магазин. На витрину, дальние стеллажи, лампы над детским отделом, старое кресло в углу. Без суеты. Без привычного беглого взгляда, которым люди оценивают чужое пространство и сразу решают, стоит ли оно их времени. Эмма выпрямилась. Мужчина встретился с ней глазами, и уголки его губ дрогнули. Вежливо. Спокойно.

Дождь, мокрые улицы и чужой магазин на него не действовали. Она отложила карандаш.

— Вам помочь?

Он посмотрел на полки, потом на неё.

— Наверное, да. Я давно не покупал книги и теперь, кажется, растерял навык.

— Такое бывает. Особенно если заходить сюда в дождь. Отсюда обычно выходят с лишней книгой, свечой и ощущением, что надо срочно поменять жизнь.

Он усмехнулся.

— Звучит опасно.

— Это ещё до отдела с ежедневниками.

Он подошёл к прилавку. Вблизи Эмма поняла, что он старше, чем показалось сначала. Не намного. Сорок с небольшим. У глаз появились тонкие морщины, заметные, когда он улыбался. Пальто было хорошее, недешёвое, но без неприятного блеска, когда вещь как будто представляется раньше хозяина. Он положил зонт на край прилавка. Одна спица выгнулась наружу. Ткань в двух местах порвалась.

— Ясно, — сказала Эмма. — Теперь понятно, почему вы выглядите так, будто проиграли спор с погодой.

Он посмотрел на зонт.

— Он сдался раньше меня.

— Неплохая стратегия. Обычно так и бывает.

— Вы всегда так встречаете покупателей?

— Только тех, кто приносит в магазин сломанные зонты.

Он хмыкнул, явно забавляясь. Эмма одёрнула себя раньше, чем мысль успела разрастись. Мужик промок под дождём. Не надо уже придумывать ему биографию, тяжёлое детство и красивые руки.

— Так что вам нужно? — спросила она. — Что-то серьёзное? Что-то, чтобы уснуть? Или подарок человеку, которого вы не очень любите, но почему-то всё равно обязаны поздравить?

— Себе.

— Это уже легче.

— Не уверен.

Эмма подняла бровь.

— Хорошее начало.

Он провёл пальцем по гладкой поверхности прилавка.

— Хочу снова начать читать.

— «Снова» это после перерыва на месяц или после перерыва на десять лет?

— Где-то посередине.

— Значит, надо подобрать книгу, которая не будет наказывать вас за плохое поведение.

— Книги умеют наказывать?

— Ещё как. Особенно те, которые начинаются с убийства, а на третьей странице ты понимаешь, что впереди четыреста семьдесят страниц и сорок персонажей с одинаковыми фамилиями.

Он рассмеялся. Не из вежливости. Ему и правда стало смешно.

— Значит, никаких больших исторических романов, — сказал он.

— Если не хотите потом использовать их как подставку под стол.

— А что бы вы выбрали?

Эмма посмотрела на полку за его плечом. Этот вопрос задавали раз по двадцать в день. Иногда больше. Она вышла из-за прилавка.

— Есть какие-то условия?

— Не слишком мрачно.

— Это уже ограничивает выбор.

— И не слишком оптимистично.

Эмма обернулась.

— Вы сложный человек.

— Мне говорили.

— Полагаю, не один раз.

— Вы быстро делаете выводы.

— Я владелица книжного. Это почти профессиональная деформация.

Он пошёл за ней и остановился у следующего стеллажа, пока она перебирала книги. Эмма достала одну, посмотрела на обложку, покачала головой и поставила обратно. Потом взяла другую.

— Вот. Не весёлая, но и не пытается сделать тебе плохо на каждой странице.

— Звучит как высокая похвала.

— В нашем жанре это почти любовь.

Он взял книгу из её рук. На обложке был старый дом у воды, бледное небо, тёмные окна. Никаких кричащих надписей. Только название и имя автора.

— О чём?

— О женщине, которая возвращается в город, где выросла, и понимает, что половину детства помнит не так, как было на самом деле.

Он посмотрел на неё.

— Это триллер?

— Нет. Скорее история про память, семью и всё то, что люди любят закапывать в себе, пока однажды не выясняется, что оно никуда не делось.

Он перевернул книгу, прочитал аннотацию.

— Вы сами её читали?

— Конечно.

— И она вам понравилась?

Эмма пожала плечами.

— Я её не забыла. Для меня это важнее.

Он посмотрел на обложку.

— То есть вы не любите книги, которые просто развлекают?

— Люблю. Просто хорошие развлечения тоже остаются в голове. А плохие, ну... — она кивнула в сторону рукописи на прилавке. — Плохие заставляют тебя ненавидеть людей, которые решили, что у них есть история.

Он перевёл взгляд на страницы с красными пометками.

— Вы редактор?

— Иногда. Когда хочется добровольно испортить себе зрение и настроение.

— А обычно?

— Обычно я владелица этого великолепного маленького предприятия, которое съедает всё моё время, все мои деньги и половину нервной системы.

— Но вы всё равно его любите.

Эмма посмотрела на него. Он сказал это без нажима. Как будто ответ был очевиден.

— Да, — сказала она. — Люблю.

Дэниел, хотя имени она ещё не знала, опустил взгляд на книгу.

— Тогда я возьму её.

— Вы даже не спросили цену.

— Я как-то переживу.

— Самоуверенно.

— Скорее надеюсь на лучшее.

— Плохая привычка.

— У меня их несколько.

Эмма забрала книгу, вернулась за прилавок и пробила чек. Он достал бумажник. Кожа была потёртая, совсем не новая. В прозрачном кармашке лежала старая фотография. Эмма увидела только край светлого лица и чью-то ладонь. Бумажник закрылся. Она перевела взгляд на экран кассы.

— Пакет нужен?

— Нет. Спасибо.

Он взял книгу, потом посмотрел на зонт.

— Кажется, мне придётся оставить здесь это.

— Не советую. Мы уже принимаем книги, старые открытки, чужие шарфы и один раз чью-то обувь. Зонты у нас в лимит не входят.

— Я серьёзно. Он бесполезен.

— Тогда выбрасывайте. Не у меня, пожалуйста.

Он поднял зонт и попытался его раскрыть. Спица вывернулась ещё сильнее. Эмма не сдержала смехок. Он посмотрел на поломанную конструкцию.

— Ладно. Возможно, вы были правы.

— Это очень важный момент. Я бы его запомнила.

— Вы всегда так радуетесь чужим поражениям?

— Только маленьким и безопасным.

Дождь по-прежнему лупил по стеклу. Мужчина посмотрел наружу, потом на свой окончательно покалеченный зонт.

— Подождите.

Эмма наклонилась под прилавок и достала чёрный зонт с деревянной ручкой. Старый, но крепкий. Она держала его здесь на случай, если нужно закрыть магазин и добежать до машины, не промокнув до белья. Пользовалась редко. Но знала, что он надёжный. Она протянула зонт мужчине.

— Возьмите.

— Вы уверены?

— Да. Иначе вы дойдёте до угла и окончательно проиграете битву с небом.

— А если я сбегу с вашим зонтом?

— Тогда я очень разочаруюсь в человеческой природе.

— Серьёзная цена за зонт.

— Он хороший.

Он взял его осторожно.

— Я верну.

— Вернётё. Я тут практически каждый день.

Он кивнул.

— Тогда увидимся.

— Возможно.

У двери он обернулся.

— Дэниел.

Эмма подняла взгляд.

— Что?

— Меня зовут Дэниел.

Она едва не закатила глаза.

— Я поняла, что вы не просто так стоите и ждёте, пока я назову своё.

Он ничего не ответил на это, только смотрел, будто ждал, когда она сама всё скажет.

— Тогда?

— Эмма.

Он повторил её имя, чтобы запомнить. От этого стало неловко и тепло одновременно. Очень глупо. Очень не вовремя.

— Спасибо за книгу, Эмма.

— Сначала прочитайте. Потом спасибо.

— Договорились.

Дверь скрипнула, когда он её открыл. В магазин ворвался холодный воздух, запах мокрого асфальта и шум машин. Дэниел раскрыл зонт, проверил спицы и вышел под дождь. Эмма видела, как он переходит улицу. Шёл быстро, но без

суеты. Книгу прижал под пальто. Чёрный зонт качнулся над головой и исчез за потоком людей. Она посмотрела на рукопись. Героиня всё ещё стояла у окна. Внутри неё всё ещё шёл дождь.

— Ну нет, — сказала Эмма, беря карандаш. — У тебя хотя бы есть повод.

У двери остался его сломанный зонт. Дэниел поставил его к стене перед уходом. То ли собирался забрать потом, то ли не хотел тащить эту несчастную конструкцию через весь город. Эмма отнесла зонт в подсобку. Там уже лежали две забытые перчатки, зарядка от телефона, шарф с золотыми нитями и одинокая серёжка, которую никто не забирал почти год.

Магазин напоминал маленький музей чужой невнимательности. Через несколько минут в магазин забежала молодая женщина с ребёнком лет пяти. Мальчик был в жёлтом дождевике и держал под мышкой плюшевого динозавра, мокрого почти так же, как он сам.

— Простите, мы просто переждём немного? Там вообще невозможно идти.

— Конечно, — сказала Эмма. — Только динозавра лучше не ставьте на полку с детективами. Там и без него хватает проблем.

Мальчик серьёзно кивнул и прижал игрушку к груди. Минут через десять он уже сидел на ковре у окна, листал большую книгу про морских чудовищ и время от времени сооб-

щал матери важные новости.

— У этого кальмара глаза размером с мяч.

— Угу.

— Он может съесть лодку.

— Не может.

— Может.

Мать устало посмотрела на Эмму.

— Простите.

— Не за что. Он прав. В плохом настроении кальмар вообще способен на многое.

Мальчик поднял голову.

— Вы тоже так думаете?

— Я владелица магазина. Мне приходится знать такие вещи.

Он задумался, решая, можно ли ей доверять. Потом кивнул. Ближе к вечеру дождь ослаб. Не прекратился, конечно. Просто перестал выглядеть как личная месть небес всем, кто вышел из дома без резиновых сапог. Поставщик наконец ответил. Поставка придёт в понедельник. Вместо четверга. Эмма посмотрела на письмо, досчитала до пяти, открыла ответ и написала вежливое сообщение. Потом перечитала его и убрала слово «серьёзно?». Это уже считалось личностным ростом. В шесть она закрыла кассу, проверила выручку, выключила лампу у дальнего стеллажа, потом ещё одну.

Магазин сразу стал другим. Более пустым, хотя книги оставались на месте. Она любила это время. Когда двери уже

закрыты, никто не спрашивает, есть ли у неё что-нибудь похожее на ту синюю книгу, которую видели где-то в аэропорту года три назад. Никто не трогает новинки грязными руками. Никто не просит скидку «как постоянному клиенту», хотя приходит второй раз в жизни.

Тишина после закрытия всегда была её. Эмма обошла магазин, поправляя книги, которые покупатели успели поставить не туда. Детектив среди кулинарии. Детская энциклопедия рядом с эротическим романом. Тонкий сборник стихов между путеводителями по Италии. Она вытащила сборник, посмотрела на женщину в длинном платье на обложке и поставила его обратно. У двери больше не было зонта. Он лежал в подсобке, среди перчаток, серёжки и чужого шарфа.

Эмма заперла подсобку, выключила свет у кассы и взяла сумку. Натягивая пальто, заметила на прилавке чек, который забыла выбросить. Старый. От утренней продажи. Она прочитала дату, время, сумму и покачала головой.

— Соберись, Картер.

На улице пахло мокрым асфальтом, кофе из соседней кофейни и холодом. Эмма закрыла дверь магазина, дважды проверила замок и натянула капюшон. Дождь превратился в мелкую морось. До машины было всего полквартала. Она шла быстро, прижимая сумку к боку, и думала о поставке, рукописи и о том, что дома надо заказать нормальный ужин, а не открыть банку супа и назвать это заботой о себе. На светофоре она посмотрела на капли на лобовом стекле и при-

зналась себе: хотелось, чтобы Дэниел вернул зонт.

Глава 2. Возвращение

На третий день после дождя Эмма перестала смотреть на дверь. По крайней мере, так она себе сказала. Утро началось с того, что кофемашина окончательно решила умереть. Она шипела, плевалась водой на стойку и выдавала кофе цвета грязной лужи. Эмма стояла перед ней с кружкой в руке и пыталась понять, можно ли считать убийство бытовой техники уважительной причиной для нервного срыва.

— Давай, — сказала она. — Я в тебя верила.

Кофемашина ответила коротким хрипом и погасла.

— Ну конечно.

В десять пришла курьерская коробка с новинками. В одиннадцать позвонил бухгалтер и напомнил про квартальный отчёт. В полдень женщина в сером пальто двадцать минут выбирала открытку для сестры, с которой не разговаривала шесть лет, и в итоге взяла самую нейтральную, с цветами. К часу Эмма почти забыла, чего ждала. Она сидела на полу у стеллажа с новыми поступлениями и клеила ценники на корешки, когда колокольчик над дверью звякнул.

— Если вы за кофе, сразу предупреждаю, сегодня мы официально его не продаём, — сказала она, не поднимая головы.

— Тогда мне повезло. Я пришёл не за кофе.

Эмма подняла голову. Дэниел стоял у двери с её зонтом в руке. На этот раз без пальто. Тёмно-синий свитер, джинсы,

лёгкая куртка на сгибе локтя. За окном светило солнце, но город после трёх дней дождя выглядел настороженно, словно ещё не решил, можно ли снова доверять хорошей погоде. Эмма поднялась с пола и отряхнула ладони о джинсы.

— Выжили.

— С трудом.

Он протянул ей зонт.

— Возвращаю в целости. Это, кажется, большая редкость в вашей практике.

Эмма раскрыла зонт прямо в магазине и проверила спицы.

— С ним всё в порядке.

— Рад, что не подвёл.

— Пока не за что хвалить. Вы всего лишь сделали то, что обещали.

— Звучит сурово.

— У меня магазин. Я много работаю с разочарованием.

В уголках его глаз собрались морщинки. Эмма сложила зонт и поставила его за прилавок.

— А ваш? Тот, который пытался вас убить?

— Я отнёс его в ремонт.

Она повернулась к нему.

— Серьёзно?

— Да.

— Это очень дорогая привязанность к вещам или вы просто не умеете выбрасывать безнадёжное?

— Наверное, и то и другое.

Он посмотрел на книги, разложенные на полу.

— Помочь?

— Не советую.

— Почему?

— Потому что вы сейчас положите роман рядом с биографией какого-нибудь диктатора, а я потом буду искать его неделю.

— Я умею читать таблички.

— Все так говорят.

— Вы мне не доверяете.

— Я вас знаю примерно семь минут.

— Восемь. Если считать дождь.

Эмма не удержалась от улыбки.

— Хорошо. Возьмите вот ту коробку и поставьте на прилавок. Но если уроните, я скажу, что вы были предупреждены.

Он поднял коробку и поставил её туда, куда она показала. Без фразы о том, что ей не стоит таскать тяжёлое. Без попытки забрать у неё работу. Просто сделал то, о чём попросили. Эмма тут же разозлилась на себя. Нормальный взрослый мужчина поставил коробку на прилавок. Прекрасно. Можно уже не писать ему памятник.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он остался у прилавка. Эмма поставила последнюю книгу

на полку.

— Ну?

— Книга.

— Какая именно?

— Та, которую вы мне продали.

— А. И?

Дэниел посмотрел на неё почти серьёзно.

— Первые сорок страниц я был уверен, что вы меня на-
казали.

— Господи, — фыркнула Эмма. — За что?

— Пока не понял. Возможно, за сломанный зонт.

— Там просто начало медленное.

— Это очень вежливый способ сказать: «Потерпи, потом
станет лучше».

— Стало?

— Да.

Эмма опёрлась ладонью о край прилавка.

— И что именно вам понравилось?

— Она не пыталась сделать героиню приятной.

— Это редкая претензия к книге.

— Люди часто хотят, чтобы им было удобно любить пер-
сонажа.

— А вам не надо?

— Нет. Мне интереснее, когда человек ведёт себя плохо,
глупо или неправильно, но ты всё равно понимаешь, почему.

Эмма посмотрела на него внимательнее.

— Ну вот, — сказала она. — Значит, вы не совсем безнадёжны как читатель.

— Высокая оценка.

— Не привыкайте.

Он оглядел полку с новинками.

— У вас есть ещё что-то в этом духе?

— В каком именно?

— Где люди всё портят, но не становятся от этого картонными злодеями.

Эмма скрестила руки на груди.

— Слишком конкретный запрос для человека, который только начал читать.

— Возможно, я просто быстро учусь.

— Или быстро наглеете.

— Это тоже возможно.

Она прошла к полке с современной прозой. Дэниел оставился в стороне, пока она перебирала корешки. Эмма достала тонкую книгу в тёмно-зелёной обложке.

— Вот эту.

Он взял её.

— О чём?

— О семье, которая много лет делает вид, что у них всё нормально.

— Весело.

— Вы сами просили.

— Да, но я ещё надеялся сохранить остатки душевного

здоровья.

— Тогда вам надо было идти в магазин с выпечкой.

Он хмыкнул, качая головой. Из подсобки донёсся звонок телефона. Эмма посмотрела туда и поморщилась.

— Это, скорее всего, бухгалтер. Если я не возьму, он позвонит ещё три раза и оставит голосовое сообщение на пять минут.

— Звучит угрожающе.

— Он хороший человек. Просто считает, что цифры надо обсуждать вслух. Все. До последней.

Дэниел посмотрел на книгу.

— Я не буду вас задерживать.

— Не хотите взять?

— Хочу. Но вы уже и так один раз спасли мой вечер. Не хочу злоупотреблять.

— Это книга, не донорская почка.

— В вашем магазине я уже понял, что разница не такая большая.

Эмма улыбнулась. Он положил книгу на прилавок. Пока она пробивала чек, он достал карту.

— Кстати, — сказал он. — Я так и не сказал вам спасибо нормально.

— Вы вернули зонт.

— Это было не спасибо. Это было обязательство.

Эмма подняла на него взгляд.

— Вы всегда так разделяете?

— Стараюсь.

Телефон в подсобке зазвонил снова.

— Вот видите, — сказала Эмма. — Меня требуют обратно в мир скучных взрослых дел.

Он взял книгу.

— Тогда не буду мешать.

У двери он обернулся.

— Дэниел.

Эмма подняла глаза.

— Я помню.

Он кивнул.

— Хорошо. Тогда до следующей книги, Эмма.

Дверь стукнула за ним, и колокольчик коротко тренькнул. Телефон зазвонил в третий раз.

— Да иду я, — буркнула Эмма и направилась в подсобку.

Бухгалтер действительно говорил почти семь минут. Сначала про аренду. Потом про налог, который оказался выше, чем они обсуждали в прошлом месяце. Потом про форму, которую Эмма якобы не подписала.

— Я подписала всё, что вы мне присылали, — сказала она, прижимая телефон плечом и роясь в ящике с папками.

— Да, но не ту форму.

— Конечно. Потому что почему бы не сделать две почти одинаковые формы с разными последствиями.

Он вздохнул так, словно это она лично придумала бухгалтерию. Когда разговор закончился, Эмма вернулась в зал.

Коробка с новинками стояла на прилавке. Книги лежали ровно. Всё было на своих местах. Она взяла следующую книгу из стопки, перевернула её и наклеила ценник. Поймала себя на том, что улыбается, как дура.

— Не начинай, — сказала она вслух.

Магазин ничего не ответил. В понедельник Дэниел не пришёл. Во вторник тоже. К вечеру Эмма заметила, что весь день ни разу не подняла голову на звук колокольчика с той надеждой, которую сама себе запретила. Ну и отлично. У мужчины была книга. Работа. Своя жизнь. Он не подписывался приходить сюда по расписанию только потому, что однажды одолжил у неё зонт.

В среду она почти о нём не думала. Почти. День выдался тяжёлый. С утра доставили коробку с повреждёнными обложками. В обед пришёл парень, который хотел «что-нибудь умное, но чтобы не очень много букв». Потом женщина лет пятидесяти устроила спор у стойки с открытками, потому что Эмма не смогла точно сказать, понравится ли её коллеге рисунок с лисой.

К половине шестого Эмма мечтала закрыть магазин, выключить телефон и поесть что-нибудь, чего не надо разогревать в микроволновке. Она стояла на стремянке у витрины и поправляла бумажную гирлянду из книжных страниц, когда дверь открылась со знакомым дребезжанием.

— Мы закрываемся через полчаса, — сказала она, не оборачиваясь. — Но если вы точно знаете, что вам нужно, я ещё

могу сделать вид, что не устала.

— А если я не знаю?

Гирлянда выскользнула у неё из пальцев. Эмма повернула голову. Дэниел стоял у входа с книгой под мышкой. Без пальто, без дождя, без сломанного зонта. На нём была тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами и серые брюки. В другой руке он держал бумажный стаканчик с кофе.

— Я не вовремя? — спросил он.

— Зависит от того, умеете ли вы ловить людей, если они падают.

Он посмотрел на стремянку.

— Я предпочёл бы не проверять.

— Справедливо.

Эмма спустилась, придерживая гирлянду одной рукой. Дэниел подошёл и забрал у неё пачку бумажных страниц.

— Куда это?

— На витрину.

— Я догадался. Вопрос в том, куда именно.

Она показала пальцем.

— Вон туда. Только не слишком ровно.

— Не слишком ровно?

— Да. Иначе будет выглядеть так, будто я провела здесь четыре часа с линейкой и нервным тиком.

— А вы не проводили?

— Я владелица книжного магазина, а не человек, который умеет планировать жизнь.

Он поднялся на стремянку и закрепил гирлянду. Эмма смотрела снизу. Дэниел не суетился и не спрашивал каждые две секунды, правильно ли делает. Посмотрел, как висят остальные страницы, и повторил рисунок. Когда спустился, витрина выглядела ровно так, как она хотела. Немного неровно.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он положил книгу на прилавок.

— Я пришёл признаться.

— В чём?

— Я не дочитал.

Эмма посмотрела на книгу.

— Вторую?

— Вторую.

— Это трагедия?

— Я пока не решил.

Она перелистала несколько страниц.

— Где бросили?

— Примерно здесь.

— О, вы далеко продержались.

— Мне не понравилась её сестра.

Эмма усмехнулась.

— Она и не должна была нравиться, — фыркнула Эмма.

— Я понимаю. Но она врёт всем подряд и потом искренне удивляется, почему никто ей не доверяет.

— Это называется семья.

Он рассмеялся.

— Ваша?

— Нет. У меня нормальная мама. Она просто считает, что способна решить любую проблему, если дать ей достаточно времени, телефона и доступ к чужим анализам.

— Врач?

— Да.

— Тогда я сочувствую всем, кто пытается от неё что-то скрыть.

— Она всё равно узнает.

— А сестра?

Эмма поставила книгу на прилавок.

— Нет сестры.

— Брат?

— Тоже нет.

— Значит, вам повезло.

— Почему?

— В книгах братья и сёстры редко приносят что-то хорошее.

— Это потому, что нормальные семьи никому не интересны.

— А у вас нормальная?

Эмма провела пальцем по корешку книги.

— В целом да. Мама иногда слишком переживает. У меня есть Карла, мы дружим ещё со школы. Она считает, что

почти все люди что-то скрывают.

— Почти все?

— Это её щедрая версия.

— А ваша?

— Моя что?

— Версия про людей.

Обычно люди сначала рассказывали, что думают сами, а потом ждали, пока она согласится.

— Думаю, что большинству просто хочется, чтобы их оставили в покое, — сказала она. — И чтобы кто-нибудь иногда был к ним добр.

Дэниел провёл пальцем по краю обложки.

— Неплохая теория.

— Не очень романтичная.

— Зато честная.

Эмма повернулась к витрине. На стекле отражались лампы магазина, полки, её фигура и его силуэт рядом с прилавком.

— Значит, книга вам совсем не зашла? — спросила она.

— Не совсем. Я хочу знать, чем закончится.

— Тогда дочитайте.

— А если мне опять не понравится?

— Приходите и предъявляйте претензии.

— Вы всегда разрешаете клиентам предъявлять претензии?

— Только тем, кто читает до конца.

— Договорились.

Он поднял стаканчик с кофе.

— Я проходил мимо и увидел, что у вас опять нет кофе.

Эмма посмотрела на его руку.

— Это мне?

— Если хотите.

— А если я скажу, что вы пытаетесь подкупить владелицу магазина?

— Тогда я скажу, что это дешёвый и довольно неэффективный способ.

Она взяла стаканчик. Кофе был ещё горячий. Пах корицей и чем-то сладким.

— Спасибо.

— Вы говорите это так, будто я сделал что-то подозрительное.

— Я не привыкла, что люди приносят мне кофе без просьбы.

— Теперь будете.

Эмма хотела ответить что-нибудь колкое. Например: «Не берите на себя слишком много». Вместо этого сделала глоток. Кофе оказался хорошим. Очень хорошим.

— Ладно, — признала она. — Это уже почти взятка.

— Почти?

— Не наклейте.

Он рассмеялся. За окном прошла женщина с собакой. Где-то дальше по улице хлопнула дверь машины. Эмма по-

ставила стаканчик на прилавок.

— Вы ведь не просто так проходили мимо?

Дэниел поднял брови.

— А если просто так?

— Тогда вы очень удачно выбираете маршруты.

— Я правда был рядом. Увидел вас на стремянке и решил, что либо вы сейчас упадёте, либо мне придётся снова покупать книгу.

— Очень трогательно.

— Я старался.

— И как успехи?

— Пока не уверен.

— Тогда приходите ещё. У меня много книг. И ещё больше мнений по поводу того, что вы должны читать.

— Я заметил.

Дверь за ним хлопнула чуть громче обычного. Эмма осталась за прилавком с кофе в руках. В пятницу Карла позвонила ей в половине девятого вечера. Эмма сидела на полу в подсобке, разбирала коробку с канцелярией и пыталась понять, зачем человек изобрёл прозрачный скотч, если он всё равно каждый раз приклеивается не туда, куда нужно.

Телефон зазвонил между коленом и коробкой с открытками.

— Ты жива? — спросила Карла вместо приветствия.

— Пока да.

— Ты мне не отвечала с обеда.

— Я работала.

— Это не объяснение. Ты всегда работаешь.

Эмма прижала телефон плечом и потянула за край скотча.

Он тут же прилип к пальцу.

— У меня был тяжёлый день.

— У тебя каждый день тяжёлый. Ты владелица книжного, а не лесоруб в Канаде.

— Спасибо за поддержку.

— Пожалуйста. Я стараюсь.

Эмма усмехнулась. Карла умела говорить резкие вещи так, что обижаться на неё было сложно. Иногда хотелось, особенно когда она попадала слишком точно. Но обычно Эмма закатывала глаза и слушала дальше.

— Ты завтра свободна? — спросила Карла.

— В смысле, кроме магазина, бухгалтерии, поставки, уборки и тихого нервного срыва?

— В смысле после семи.

Эмма посмотрела на часы.

— Наверное. А что?

— Я хочу тебя украсть на ужин.

— Ты так говоришь, будто я сейчас закажу адвоката.

— Я бы не отказалась от нормального адвоката, но пока ты подойдёшь.

Эмма вытащила палец из липкой ленты.

— Куда?

— В то новое место на Риверсайд. Где делают пасту и при-

творяются, что у них нет свободных столиков.

— У них и правда нет свободных столиков.

— У меня есть знакомая, которая там работает.

— Ты невыносима.

— Зато у тебя будет ужин.

В подсобку заглянула Софи, её продавщица, работавшая по вечерам три раза в неделю.

— Эмма, у нас закончились пакеты среднего размера.

Эмма закрыла глаза.

— Конечно, закончились.

Карла услышала это и вздохнула.

— Ты опять уйдёшь в работу?

— Я не уйду. Я уже там.

— Завтра. Семь часов.

— Хорошо.

— Ты точно придёшь?

— Карла.

— Я спрашиваю, потому что знаю тебя.

— Приду.

— Ладно. И надень что-нибудь не в цвет книжной пыли.

— У меня нет одежды цвета книжной пыли.

— У тебя половина шкафа бежевая.

— Это разные оттенки бежевого.

— Вот именно. До завтра.

Она отключилась. Эмма посмотрела на телефон. Потом на коробку. Потом на Софи.

— У нас правда нет пакетов?

— Нет.

— Ладно. Закажу.

Софи кивнула и исчезла. В субботу магазин был полон людей. С утра пришла группа туристов, решивших, что независимый книжный — идеальное место для громких фотографий. Потом зашла школьная учительница за книгами для класса. Потом мужчина в костюме, которому срочно понадобился подарок для женщины, о которой он говорил так, будто сам не понимал, зачем вообще с ней встречается. К пяти Эмма уже не чувствовала ног.

Софи ушла в шесть, пообещав, что в понедельник принесёт пакеты и напомнит Эмме заказать новые.

— Напомни, — сказала Эмма. — Потому что я забуду.

— Я знаю.

— Не надо говорить это так грустно.

Когда за последним покупателем закрылась дверь, Эмма перевернула табличку на «Закрыто» и пошла к кассе. Она считала выручку, когда над дверью снова задребезжал колокольчик.

— Мы уже закрылись.

— Я знаю.

Дэниел стоял в дверях с той самой второй книгой в руке. Без кофе. Без коробки. Без повода, который можно было бы сразу объяснить. Просто пришёл.

— Вы умеете читать таблички, — сказала Эмма.

— Я же обещал, что умею.

— И всё равно зашли.

— Я быстро.

Она посмотрела на часы. Без двадцати семь. Карла ждала её через двадцать минут.

— У вас есть ровно две минуты, — сказала Эмма. — Потом я превращаюсь в человека, который бросает друзей ради бухгалтерии и получает заслуженные проклятия.

Дэниел поднял книгу.

— Я дочитал.

— И?

Он подошёл к прилавку.

— Вы были правы.

Эмма улыбнулась.

— Мне нравится, как это звучит.

— Я заметил.

— Что именно?

— Что вам нравится быть правой.

— Всем нравится быть правыми.

— Нет. Большинству нравится, когда с ними соглашаются. Это не одно и то же.

Она кивнула на книгу.

— Так что с ней?

— Конец мне не понравился.

— О, прекрасно. Значит, она вас задела.

— Или автор просто решил наказать всех, кто дочитал до

конца.

— Это тоже возможный вариант.

Дэниел, не споря, положил книгу на прилавок.

— Но я всё равно о ней думал.

— Ну вот. Значит, она сработала.

Он посмотрел на неё.

— Вы всегда так выбираете книги?

— Как?

— Которые потом не отпускают.

— Иногда. Если человек сам понимает, что готов к этому.

— А если не понимает?

— Тогда он злится и пишет плохой отзыв.

Дэниел усмехнулся.

— Я не буду писать плохой отзыв, — сказал он с притворной серьёзностью.

— Спасибо. Магазин переживёт.

Он посмотрел на пальто, висевшее на спинке стула.

— Вы куда-то собираетесь?

— На ужин с подругой.

— Карла?

Эмма подняла глаза.

— Я упоминала её один раз.

— Вы сказали, что дружите со школы.

— У вас хорошая память.

— Она полезна.

— Иногда, наверное.

— Тогда я не буду вас задерживать.

Эмма выдавила из себя кивок, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. Не на него. На то, что он так легко сказал: «Не буду задерживать». Будто ей вообще должно быть важно, останется он или уйдёт.

— Что? — спросил он.

Она моргнула.

— Ничего.

— У вас было лицо человека, который сейчас что-то скажет.

— У меня всегда такое лицо.

— Не всегда.

Эмма посмотрела на него с подозрением.

— Вы опять наблюдаете?

— Я всего лишь заметил.

— Разница очень тонкая.

— Знаю.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Карлы: «Я уже в ресторане. Не смей писать, что у тебя поставка». Эмма усмехнулась. Дэниел заметил экран.

— Она строгая?

— Она считает, что я не умею жить вне магазина.

— А вы умеете?

Эмма посмотрела на полки, кассу, папки с документами у стены.

— Сложный вопрос.

Она взяла пальто.

— Мне правда пора.

— Конечно.

Дэниел сделал шаг к двери.

— В следующий раз, когда у вас не будет планов...

Эмма посмотрела на него.

— Здесь за углом есть маленькое кафе. Нормальный кофе, плохие стулья, но довольно тихо.

Он улыбнулся.

— Можем как-нибудь сходить.

Кофе. После работы. С мужчиной, которого она знала меньше недели. Карла бы сказала: «Ну наконец-то». А потом попросила бы его имя, возраст, профессию и, возможно, номер социального страхования.

— Как-нибудь, — повторила Эмма.

Дэниел кивнул.

— Это не отказ.

— Это очень умная попытка не выглядеть слишком заинтересованной.

— У вас почти получилось.

— До свидания, Дэниел.

— До свидания, Эмма.

Он вышел первым. Эмма схватила пальто, сумку и ключи. На улице уже темнело. Она заперла магазин, добежала до машины и посмотрела на телефон. Три сообщения от Карлы.

«Ты где?»

«Если ты опять сортируешь чеки, я тебя убью».

«Я заказала вино. Тебе не достанется».

Эмма завела двигатель и написала:

«Еду. Не начинай».

Карла ответила почти сразу:

«Поздно».

Всю дорогу до ресторана Эмма думала не о том, что скажет Карла. О том, что в следующий раз ей, кажется, придётся согласиться. Карла сидела за столиком у окна и выглядела так, будто ресторан принадлежал ей, а персонал просто пока не успел об этом узнать. Перед ней стоял бокал вина, рядом лежал телефон. Тёмные волосы были собраны в низкий хвост, на губах яркая помада, на лице то самое выражение, которое Эмма знала с пятнадцати лет. Выражение человека, которому уже есть что сказать.

— Ты опоздала на сорок две минуты, — сообщила Карла, когда Эмма подошла к столику.

— Пробки.

— Ты едешь сюда из магазина. Там шесть минут на машине.

— Тогда город сегодня был против меня.

— Город тут ни при чём. Ты просто опять решила, что можешь закрыть магазин, пересчитать кассу, ответить на письмо, убрать полки и прожить ещё одну жизнь до ужина.

Эмма сняла пальто и села напротив.

— Прости.

Карла посмотрела на неё.

— Ты странно улыбаешься.

— Я не улыбаюсь.

— Улыбаешься.

— Нет.

— Эмма.

Официант подошёл с меню, и Эмма с благодарностью взяла его в руки.

— Я буду пасту. И ещё, пожалуйста, воду.

Карла дождалась, пока официант отойдёт.

— Кто?

Эмма подняла глаза.

— Что кто?

— Не начинай. У тебя лицо человека, который либо выиграл в лотерею, либо познакомился с женщиной.

— Очень приятно, что у тебя такие высокие стандарты в оценке моего эмоционального состояния.

— Это мужчина.

Эмма положила меню на стол.

— Возможно.

Карла откинулась на спинку стула.

— О господи. Это мужчина.

— Я не сказала, что это мужчина.

— Ты не сказала «нет». Это почти признание.

Эмма взяла бокал воды. Карла ждала. Она всегда умела ждать. Не задавала десять вопросов подряд. Просто смотре-

ла так, что молчать становилось сложнее, чем говорить.

— Его зовут Дэниел, — сказала Эмма.

Карла кивнула.

— Уже лучше, — Карла отпила вина.

— Мы познакомились в магазине.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Где ещё ты могла познакомиться с мужчиной? В очереди за кофе? На свидании вслепую? Ты бы умерла от неловкости ещё до того, как он спросил, чем ты занимаешься.

— Я не настолько безнадёжна.

— Ты однажды ушла с вечеринки, потому что кто-то спросил, какую музыку ты слушаешь.

— Он сказал, что любит всё, кроме джаза и женщин с короткими волосами.

— И ты решила, что это повод сбежать?

— Это был повод вызвать полицию.

Карла чуть не поперхнулась вином. Эмма фыркнула следом. В ресторане пахло чесноком, вином и тёплым хлебом. За соседним столиком кто-то слишком громко праздновал день рождения. Официантка пронесла мимо тарелки с пастой, и Эмма вспомнила, что весь день питалась кофе и раздражением.

— И что за Дэниел? — спросила Карла.

Эмма пожала плечами.

— Нормальный.

Карла подняла бровь.

— Очень информативно.

— Он пришёл в магазин в дождь. Купил книгу. Сломал зонт. Потом вернул мой.

— Звучит как начало романтической комедии, которую ты обычно выключаешь на пятнадцатой минуте.

— Я не выключаю. Я просто люблю знать, что никто не умрёт в конце.

— В романтической комедии?

— Люди умирают где угодно. Не надо недооценивать сценаристов.

Карла покачала головой, сдерживая смех.

— Он красивый?

Эмма отпила воды.

— Да.

— А-а.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— У тебя лицо уже всё сказала.

— Ладно. Он красивый. Он читает. Он возвращает зонты.

Пока у него безупречное резюме.

— У него не безупречное резюме. Он пришёл в дождь с дырявым зонтом.

— Это была трагедия.

— И ты его спасла.

Эмма закатила глаза.

— Я дала ему зонт, Карла. Не почку.

— Для тебя это почти одно и то же.

Официантка принесла хлеб, масло и бокал вина для Эммы. Карла подняла свой бокал.

— За мужчину с зонтом.

— Не надо пить за него.

— Хорошо. За то, что ты наконец-то заинтересовалась кем-то, кто не существует только в твоей голове.

Эмма посмотрела на неё.

— Я не настолько одинокая.

Карла сразу стала серьезнее.

— Я знаю.

Карла могла поддеть, съязвить, сказать что-нибудь настолько точное, что хотелось кинуть в неё салфеткой. Но если видела, что зашла слишком далеко, не делала вид, будто ничего не произошло.

— Просто у тебя последние годы были магазин, магазин и ещё немного магазина, — сказала она. — Я не осуждаю. Он твой. Ты его построила. Но иногда ты так держишься за всё это, будто если отвлечёшься на один вечер, оно рухнет.

Эмма отломил кусочек хлеба.

— Иногда так и кажется.

— Я знаю.

— Бухгалтер, кстати, тоже знает.

— Бухгалтеру нельзя доверять. Они питаются чужими тревогами.

Эмма покрутила бокал в пальцах.

— Ты серьёзно думаешь, что мне стоит пойти с ним на кофе?

Карла посмотрела на неё.

— А ты хочешь?

— Наверное.

— Тогда иди.

— Это так просто?

— Да.

— Карла.

— Что?

— Ты обычно сначала задаёшь двадцать вопросов.

— Могу, если тебе станет легче.

Она загнула палец.

— Где он работает?

— Архитектор.

— Хорошо.

Ещё один палец.

— Сколько ему лет?

— Не знаю точно.

— Эмма.

— Ну сорок с чем-то.

— Ты не спросила?

— Мы говорили о книгах.

— Ну да. Конечно. А про знак зодиака хотя бы?

— Я не спрашиваю мужчин про знак зодиака.

— Это очень неосторожно с твоей стороны.

Эмма рассмеялась.

— Я не знаю, Карла. Он просто... нормальный.

— Это хорошо, — согласилась Карла.

— Он не пытается выглядеть кем-то особенным.

— Это ещё лучше.

Эмма покрутила бокал в пальцах. Дэниел не делал громких комплиментов. Не лез с вопросами, после которых хочется уйти в другой конец комнаты. Рядом с ним было легко.

— С ним спокойно, — сказала она.

Карла наклонила голову.

— Спокойно хорошо?

Эмма посмотрела на вино.

— Да. Хорошо.

Официантка принесла еду, и разговор ушёл в сторону. Карла рассказывала про работу, про нового руководителя, который отправил ей письмо в два ночи с темой «Срочно», а внутри написал: «Доброе утро». Эмма смеялась, жаловалась на поставщика, который снова перепутал накладные.

Потом Карла спросила:

— Он знает, что ты владелица магазина?

— Да.

— И?

— Что «и»?

— Что сказал?

— Ничего особенного. Что понимает, почему я его люб-

лю.

Что-то смягчилось в лице Карлы.

— Это хороший ответ.

— Ты сейчас его одобрила?

— Не привыкай.

— Поздно. Уже выбираю вам свадебный стол.

Карла фыркнула и отпила вина.

— Главное, чтобы ты хотя бы сходила с ним на кофе. А не сидела потом неделю и не думала, почему он не пришёл.

Эмма подняла голову.

— Я не сидела.

Карла промолчала.

— Ладно, — призналась Эмма. — Может быть, один раз.

— Конечно.

— Не смей.

— Я молчу.

— У тебя очень громкое молчание.

Карла улыбнулась.

— Дай ему номер.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда всё станет каким-то... настоящим.

— Эмма, он уже дважды пришёл в твой магазин.

— Это не то же самое.

— Ты права. Это даже лучше. Он знает, где тебя найти, а ты всё ещё строишь из себя женщину-загадку.

— Я не строю.

— Ты построила целый бизнес на том, что прячешься за прилавком и рекомендуешь людям книги вместо того, чтобы говорить, что думаешь.

Эмма медленно положила вилку.

— Ух ты.

— Я знаю. Жестко.

— Немного.

— Но неправда?

Эмма посмотрела в окно. Снаружи люди шли по тёмной улице, кто-то держал зонт, хотя дождя уже не было. В стекле отражался ресторан, свет, её лицо и лицо Карлы напротив.

— Иногда проще говорить о книгах, — сказала она.

— Я знаю.

— Они хотя бы не обижаются.

— Ты бы удивилась.

Эмма усмехнулась. Карла протянула руку через стол и накрыла её ладонь.

— Сходи на кофе. Просто сходи. Не придумывай за него ничего заранее. Ни плохого, ни хорошего, ни ужасного, ни судьбоносного. Посмотри, как тебе рядом с ним.

Эмма посмотрела на их руки, помедлила и выдохнула.

— Ладно.

— Ладно?

— Ладно.

Карла хлопнула ладонью по столу, довольная собой.

— Вот и всё.

— Не радуйся так. Это просто кофе.

— Конечно. А потом ты скажешь, что просто ужин. Потом просто поездка куда-нибудь. Потом просто купишь ему зубную щётку.

— Ты ужасный человек.

— Я лучшая подруга. Это разные должности.

Когда они вышли из ресторана, воздух оказался прохладнее, чем Эмма ожидала. Карла обняла её на прощание, потом отстранилась.

— Напиши мне, когда вернёшься домой.

— Мне тридцать семь.

— Именно. В этом возрасте надо уже беречь колени, нервы и мужчин, которые умеют держать слово.

— Господи.

— Я серьёзно.

Эмма улыбнулась.

— Напишу.

Она села в машину, положила сумку на пассажирское сиденье и завела двигатель. До дома было десять минут. На первом светофоре она взяла телефон и открыла новый контакт. Написала:

Дэниел Хейз.

Потом уставилась на пустую строку для номера. Она закрыла телефон, бросила его на сиденье и невольно фыркнула от смеха.

— Отлично, Картер. Очень уверенно.

Глава 3. После закрытия

К среде Эмма успела три раза передумать насчёт кофе. В первый раз она решила, что это хорошая идея. Во второй, что лучше не усложнять себе жизнь. В третий поймала себя на том, что выбирает утром рубашку дольше обычного, и разозлилась. Никакого кофе пока не было. Никакого свидания тоже. Был только мужчина, который дважды приходил в её магазин, возвращал зонт, читал книги до конца и умел говорить так, что ей потом хотелось ещё немного подумать над его словами. Подумаешь.

К вечеру Эмма снова сидела в подсобке с ноутбуком на коленях и смотрела на письмо от арендодателя. Письмо было длинным, вежливым и абсолютно бесполезным. В нём сообщалось, что в следующем месяце они планируют проверить вентиляцию, освещение в коридоре и состояние пожарной сигнализации. Эмма прочитала его дважды, потом ещё раз, уже медленнее. В конце было написано:

«Мы ценим ваше сотрудничество».

— Ну да, — пробормотала она. — Особенно когда повышаете аренду каждый январь.

Из зала донёсся звон колокольчика. Эмма посмотрела на часы. Без десяти семь. Она уже перевернула табличку на двери и закрыла кассу.

— Мы закрыты, — крикнула она, не вставая.

— Я вижу.

Она замерла. Потом закрыла ноутбук и вышла в зал. Дэниел стоял у входа. На нём была тёмная куртка, под ней светлая рубашка без галстука. В руках он держал ничего. Ни книги. Ни кофе. Ни сломанного зонта.

— Вы сегодня без повода? — спросила Эмма.

Он улыбнулся краешком рта.

— Похоже на то.

— Опасный путь.

— Я готов рискнуть.

Эмма подошла к прилавку и оперлась на него ладонями.

— Вы пришли проверить, умею ли я выгонять людей после закрытия?

— Нет. Хотя теперь мне интересно.

— Умею. Иногда даже получаю от этого удовольствие.

— Верю.

Он посмотрел на неё внимательно, но не так, как раньше. Не будто пытался что-то угадать. Скорее ждал, не скажет ли она сама. Эмма вдруг вспомнила разговор с Карлой.

«Сходи на кофе. Просто сходи».

Очень просто. Конечно.

— Ты сегодня куда-то спешишь? — спросил Дэниел.

Она заметила это «ты» сразу. Не резко. Не как попытку приблизиться быстрее, чем нужно. Просто он сказал так, будто это уже случилось. Эмма чуть приподняла бровь.

— Мы уже на «ты»?

Он помолчал секунду.

— Если тебе не нравится, я могу вернуться обратно.

— Нет. Нормально.

— Хорошо.

Он коротко кивнул.

— Так ты спешишь?

Эмма посмотрела на ноутбук в подсобке, на папку с документами у кассы, на стопку книг, которую собиралась разобрать завтра. Потом на него.

— Сегодня нет.

— Тогда пойдём выпьем кофе.

— Ты так говоришь, будто это уже решено.

— Нет. Я спрашиваю.

— Очень уверенно спрашиваешь.

— У меня есть практика.

Эмма скривила губы в усмешке.

— В чём?

— В переговорах с людьми, которые не любят принимать простые решения.

Она посмотрела на него.

— Это сейчас было про меня?

— Это было очень аккуратно про тебя.

Эмма вздохнула.

— Ладно. Только дай мне пять минут.

— Я подожду.

Она вернулась в подсобку, открыла ноутбук, быстро со-

хранила файл и написала Софи сообщение:

«Я ушла. Завтра напomini мне про пакеты и аренду».

Через минуту пришёл ответ:

«Вы не заболели?»

Эмма закатила глаза.

«Нет. Просто ушла раньше семи».

Софи отправила три удивлённых смайлика. Эмма сунула телефон в карман, накинула пальто и вернулась в зал. Дэниел стоял у полки с новинками и рассматривал книгу, которую она ещё не успела поставить на витрину.

— Не покупай её, — сказала Эмма.

Он повернул голову.

— Почему?

— Потому что она ужасная.

— Ты её читала?

— Первые тридцать страниц.

— Может, дальше становится лучше.

— Нет. Дальше люди начинают принимать решения, за которые их хочется встряхнуть.

Дэниел поставил книгу обратно.

— Тогда доверюсь тебе.

Эмма закрыла кассу, выключила свет над прилавком и направилась к двери. На улице было прохладно. Дождя не было, но асфальт ещё блестел после дневней мороси. На противоположной стороне улицы зажглись окна в маленьком кафе, а из пекарни на углу тянуло тёплым хлебом.

— Куда? — спросила Эмма.

— Недалеко.

— Это всегда подозрительно звучит.

— Ты всё считаешь подозрительным?

— Нет. Только то, что появляется после закрытия магазина без книги и без кофе.

Дэниел хмыкнул, забавляясь.

— Справедливо.

Они пошли по Мейпл-стрит. Эмма сначала держала руки в карманах пальто, потом достала одну, чтобы поправить ремень сумки. Она чувствовала себя странно. Не плохо. Просто непривычно. Обычно после закрытия магазина она ехала домой, открывала холодильник, смотрела на его содержимое так, будто надеялась найти там новую жизнь, и в итоге заказывала что-нибудь через приложение. Сейчас рядом шёл мужчина, с которым она почти не знакома. И почему-то это не казалось безумной идеей. Кафе оказалось маленьким, с тёмными окнами и узкой дверью, над которой висела простая вывеска без названия. Внутри было тепло, пахло кофе, корицей и чем-то сливочным.

Свободных столиков почти не осталось. Они остановились у стойки.

— Видишь? — сказал Дэниел. — Я привёл тебя в место, где люди готовы драться за плохие стулья.

Эмма огляделась.

— Стулья правда ужасные.

— Но кофе хороший.

— На это я ещё посмотрю.

Бариста, парень с бритой головой и серьгой в ухе, поднял на них глаза.

— Два?

— Да, — сказал Дэниел. — Если найдётся стол.

Парень кивнул в сторону узкого столика у стены.

— Минут через пять освободится.

— Мы подождём.

Эмма посмотрела на Дэниела.

— Ты часто тут бываешь?

— Иногда.

— Это очень расплывчатый ответ.

— Я прихожу сюда, когда хочу подумать.

— И получается?

Он пожал плечами.

— Иногда становится хуже.

Эмма фыркнула от смеха.

— Вот это уже честно.

Они встали у окна. За стеклом проходили люди, кто-то то-ропился к автобусной остановке, кто-то шёл медленно, держа телефон перед лицом.

— Что будешь? — спросил он.

— Американо

— Просто?

— Просто.

— Без молока, сиропа, корицы, взбитых сливок и сложной душевной истории?

— Я экономлю силы для реальной жизни.

— Уважаю.

Он заказал себе чёрный кофе. Эмма посмотрела на него.

— Ты тоже без всего?

— Да.

— Это очень сурово.

— Я архитектор. У нас репутация людей, которые получают удовольствие от серого бетона и сложных схем.

— И это правда?

— Про схемы да. Про бетон зависит от дня.

Им принесли кофе, и почти сразу освободился столик. Эмма села у стены. Дэниел напротив. Между ними стояла маленькая лампа с жёлтым абажуром, от которой лица выглядели теплее, чем были на самом деле. Несколько секунд они молчали. Не неловко. Просто оба как будто привыкали к тому, что теперь не стоят у прилавка.

— Значит, архитектор, — сказала Эмма.

— Значит, владелица книжного.

— Это ты уже знаешь.

— Я знаю, что ты владелица. Но не знаю, как ты к этому пришла.

Эмма взяла чашку обеими руками.

— Долго.

— Это не ответ.

— Я заметила, ты любишь ответы.

— Нет. Я просто люблю понимать, с кем разговариваю.

Она посмотрела на него. Фраза могла бы прозвучать неприятно. Но он сказал её спокойно, без этого ощущения, что сейчас начнёт вскрывать её голову отвёрткой. Эмма отпила кофе. Он оказался действительно хорошим. Очень хорошим.

— Ладно, — сказала она. — Раньше я работала редактором в издательстве.

— Нравилось?

— Иногда. Там были хорошие люди. Были хорошие книги. Но всё время кто-то сверху решал, что можно печатать, что надо сделать «понятнее», где добавить романтики, где убрать скучное, хотя скучным обычно называли всё, что не помещается в три простых предложения.

Дэниел слушал молча. Эмма продолжила:

— Потом магазин на Мейпл-стрит выставили на продажу. Хозяйка заболела, дети не хотели заниматься бизнесом. Я знала это место давно. Покупала там книги ещё до того, как вообще начала работать в издательстве.

— И решила купить?

— Не сразу.

— Что тебя остановило?

Эмма усмехнулась.

— Деньги. Страх. Здравый смысл. Всё то, что обычно мешает людям делать глупости.

— И всё-таки купила.

— Да.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Представила, что кто-то сделает здесь магазин подарков или дорогих свечей. И мне стало плохо.

Дэниел не сдержал улыбку.

— Сильная бизнес-стратегия.

— Она сработала.

— Похоже на то.

Эмма посмотрела в сторону окна.

— Первые полгода я думала, что разорюсь. Вторые полгода я думала, что у меня никогда не будет выходных. Потом стало чуть легче.

— А сейчас?

— Сейчас я иногда хочу всё бросить.

— И?

— Потом приходит кто-то вроде миссис Полсон и спрашивает книгу для мужа, который любит исторические документалки. И я понимаю, что, наверное, всё ещё на своём месте.

Дэниел покрутил чашку в ладонях.

— Ты говоришь о магазине как о человеке.

— Потому что он ведёт себя как человек. Иногда требует денег, иногда не даёт спать, иногда делает вид, что без меня развалится.

— Похоже на сложные отношения.

— Очень.

Он улыбнулся одними глазами.

— А у тебя есть кто-то, кто помогает?

— Софи. Она работает несколько вечеров в неделю. И Карла иногда приходит и делает вид, что спасает меня от самой себя.

— Это та подруга, с которой ты дружишь со школы?

— Да.

— Строгая?

— Ты даже не представляешь.

Дэниел чуть наклонил голову.

— Она меня уже ненавидит?

Эмма рассмеялась.

— Она тебя не знает.

— Это не ответ.

— Пока нет. Но она уже знает, что есть мужчина по имени Дэниел, который возвращает зонты.

— Хорошее начало для досье.

— У неё будет ещё много вопросов.

— Например?

— Где ты работаешь. Сколько тебе лет. Был ли ты женат. Есть ли у тебя бывшие, которые живут в подвале и пишат тебе письма кровью.

Дэниел улыбнулся.

— И что ты ей сказала?

— Что ты архитектор и, кажется, не серийный убийца.

— Очень лестная характеристика.

— Не зазнавайся. Я сказала «кажется».

Он рассмеялся. Потом сделал глоток кофе.

— Мне сорок два.

Эмма посмотрела на него.

— Что?

— Чтобы Карла не мучилась.

Она улыбнулась.

— Очень предусмотрительно.

— Я стараюсь.

— А был женат?

Он не отвёл взгляд.

— Был.

Эмма не ожидала, что он ответит так быстро.

— Давно?

— Четыре года назад развёлся.

— Прости.

— Не надо. Это не трагедия.

Он сказал это ровно. Без горечи. Без красивой паузы.

— Просто не получилось, — добавил он. — Бывает.

Эмма кивнула. Ей хотелось спросить больше. Почему не получилось. Кто ушёл первым. Была ли там любовь. Но она не спросила. Люди не обязаны выкладывать свою биографию на стол вместе с кофе.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Была замужем?

Эмма покачала головой.

— Нет.

— Долго с кем-то жила?

— Один раз. Недолго.

— И?

— Он решил, что моя работа это милое хобби, пока я не начала зарабатывать больше него.

Дэниел посмотрел на неё.

— И как он это пережил?

— Плохо. Но очень громко.

Он чуть улыбнулся.

— Сочувствую.

— Не стоит. Это был хороший урок.

— Какой?

Эмма провела пальцем по краю чашки.

— Не верить людям, которые говорят, что гордятся тобой, а потом обижаются, когда у тебя что-то получается.

Дэниел кивнул. На этот раз без шутки.

— Да. Плохой урок.

— Зато полезный.

— Полезные уроки обычно самые дорогие.

Эмма подняла на него взгляд.

— Это ты сейчас как архитектор или как человек?

— Сегодня как человек.

Она улыбнулась. За соседним столиком кто-то громко засмеялся. Бариста включил кофемолку, и на несколько секунд разговор утонул в шуме. Эмма посмотрела на часы. Время прошло быстрее, чем она думала.

— Мне надо будет закрыть глаза, когда увижу счёт, — сказала она.

— Я угощаю.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я взрослый человек, который может сам заплатить за кофе.

— Я не сомневаюсь.

— Тогда?

Он пожал плечами.

— Тогда разреши мне просто угостить тебя кофе.

Эмма посмотрела на него. Он не спорил. Не пытался продавить своё. Просто ждал. И это почему-то было важнее самого кофе.

— Ладно, — сказала она. — Но в следующий раз плачу я. Дэниел чуть улыбнулся.

— Значит, следующий раз будет?

Эмма закатила глаза.

— Ты невозможный.

— Это не ответ.

— Да. Будет.

Дэниел посмотрел на неё несколько секунд. Потом кив-

нул, будто она только что подтвердила что-то важное, но не стал это обыгрывать.

— Хорошо.

Эмма сделала ещё глоток кофе. Он уже остыл, но всё равно был лучше того, что обычно получалось у неё в магазине.

— Только не начинай теперь приходить каждые два дня и требовать новую книгу.

— Я не обещаю.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она усмехнулась. За окном окончательно стемнело. В кафе стало тише. Кто-то расплатился у стойки, бариста начал протирать кофемашину, а девушка за соседним столиком закрыла ноутбук и устало потянулась. Эмма посмотрела на часы.

— Мне правда пора.

— Я провожу тебя до машины.

— Не обязательно.

— Знаю.

Он сказал это спокойно, без этого мужского тона, когда тебя как будто уже поставили перед фактом и теперь остаётся только не спорить. Эмма взяла сумку.

— Ладно.

На улице стало холоднее. Воздух пах мокрым асфальтом, дымом из трубы на соседнем доме и чем-то сладким из пекарни, которая ещё не закрылась. По дороге проехал авто-

бус, подсветив их фарами, потом исчез за перекрёстком. Они шли рядом, не торопясь. Эмма поймала себя на том, что снова не знает, куда деть руки. Сначала держала их в карманах. Потом достала одну, чтобы поправить волосы. Потом снова спрятала. Глупость какая-то. Ей не пятнадцать.

— Ты всегда так нервничаешь на первом кофе? — спросил Дэниел.

Эмма резко повернула к нему голову.

— Я не нервничаю.

— Хорошо.

— Я просто замёрзла.

— Конечно.

— И не смей так улыбаться.

— Как?

— Как будто ты уже всё понял.

Он посмотрел вперёд.

— Я ничего не понял.

— Вот и отлично.

— Но мне кажется, ты редко делаешь что-то без плана.

Эмма замедлила шаг.

— Это сейчас комплимент?

— Не знаю. А ты как это услышала?

— Как попытку сказать, что я зануда.

— Я бы сказал иначе.

— Например?

Дэниел чуть пожал плечами.

— Ты привыкла отвечать за многое. Люди, которые долго всё держат на себе, потом не очень любят ситуации, где нельзя заранее просчитать, что будет дальше.

Эмма посмотрела на него внимательнее. Он не говорил это с видом человека, который только что поставил ей диагноз. Просто заметил. И всё равно ей захотелось возразить.

— Я не пытаюсь просчитать всё.

— Нет?

— Нет.

— Хорошо.

— Ты опять мне не веришь.

— Я верю. Просто ты уже третий раз проверяешь, где машина.

Эмма посмотрела через дорогу. Её машина стояла в полуквартале от магазина.

— Это потому, что у меня плохая память на парковку.

— Очень удобная версия.

— Я больше не буду с тобой разговаривать.

— Это было бы жаль.

Она хотела ответить быстро, с какой-нибудь колкостью. Но почему-то не получилось. Вместо этого она отвернулась и улыбнулась. На перекрёстке загорелся зелёный. Они начали переходить дорогу. Слева вдруг вырулил велосипедист, слишком быстро, слишком близко. Дэниел легко коснулся её локтя и чуть отвёл назад. Всего на секунду. Но его ладонь осталась на её руке немного дольше, чем требовалось. Эмма

почувствовала это сразу.

Он тоже, кажется, почувствовал. Пальцы разжались.

— Прости, — сказал он.

— Всё нормально.

Они пошли дальше. Теперь между ними появилось что-то новое. Не неловкость. Просто осознание, что они оба заметили это касание. У машины Эмма остановилась и достала ключи из сумки. Она никак не могла найти их среди чека, помады, старого списка заказов и упаковки жвачки, которую не помнила, когда покупала.

— У тебя там портал в другое измерение? — спросил Дэниел.

— Очень смешно.

— Я серьёзно. В этой сумке можно потерять небольшого человека.

— Маленький человек хотя бы подал бы голос.

— Не всегда.

— Ты сейчас говоришь как архитектор или как человек, который что-то скрывает?

Он не удержался от улыбки.

— Сегодня просто как человек.

Наконец ключи нашлись. Эмма подняла их с таким видом, будто выиграла судебный процесс.

— Вот.

— Поздравляю.

— Спасибо. Это был сложный путь.

Она нажала кнопку на брелоке. Машина мигнула фарами. Дэниел посмотрел на неё.

— Можно спросить?

— Уже спрашиваешь.

— Ты всегда так шутишь, когда тебе кто-то нравится?

Эмма замерла. Ключи в её руке тихо звякнули. Она посмотрела на него. Он не улыбался широко. Не пытался загнать её в угол. Просто стоял рядом, чуть наклонив голову, и ждал. Это был очень прямой вопрос. И от него вдруг стало легче.

— Нет, — сказала она. — Иногда я ещё делаю вид, что мне всё равно.

Дэниел улыбнулся.

— Это тоже заметно.

— Не наглей.

— Не буду.

Она открыла дверь машины, бросила сумку на пассажирское сиденье. Потом снова повернулась к нему.

— Ты хотел мой номер?

Он посмотрел на неё.

— Хотел.

— Мог бы просто спросить.

— Мог.

— И?

— Мне было интересно, скажешь ли ты сама.

Эмма прищурилась.

— Это очень раздражающая привычка.

— Знаю.

Она достала телефон.

— Давай.

Он назвал номер. Эмма вбила его в новый контакт и на секунду остановилась над строкой с именем. Дэниел Хейз. Смотрелось неожиданно официально. Она сохранила номер и подняла глаза.

— Готово.

Его телефон завибрировал почти сразу. Он посмотрел на экран.

— Пустое сообщение?

— Чтобы у тебя тоже был мой номер.

— Очень практично.

— Я владелица магазина. У меня от этого уже ничего не лечится.

Он убрал телефон в карман.

— Я напишу.

Эмма кивнула.

— Хорошо.

Он сделал шаг назад.

— Доброй ночи, Эмма.

— Доброй ночи.

Она села в машину и закрыла дверь. Дэниел всё ещё стоял на тротуаре. Не махал ей, не ждал, пока она тронется. Просто посмотрел на неё через стекло, кивнул ещё раз и пошёл

в сторону Мейпл-стрит. Эмма завела двигатель. Несколько секунд сидела на месте, глядя, как он удаляется.

Потом выехала со стоянки. Телефон лежал на пассажирском сиденье экраном вверх. Она смотрела на него почти всю дорогу домой. Сообщение пришло, когда она уже остановилась у своего дома.

«Ты добралась?»

Эмма улыбнулась. Потом написала:

«Да. И без происшествий. Спасибо, что довёл меня до машины».

Ответ пришёл почти сразу.

«Я рад».

Всего два слова. Эмма прочитала их ещё раз. Потом положила телефон в сумку и вышла из машины. Дома она долго не включала свет. Стояла в прихожей, снимала пальто и вдруг поняла, что весь вечер чувствует себя легче. Будто кто-то ненадолго снял с неё тяжёлую сумку, которую она таскала так давно, что перестала замечать. Эта мысль ей не понравилась. Она поставила сумку на пол, включила свет и пошла на кухню. Но перед тем как открыть холодильник, всё-таки достала телефон. Новое сообщение уже ждало.

«Спокойной ночи, Эмма».

Она посмотрела на экран. Потом напечатала:

«Спокойной ночи, Дэниел».

И только после этого убрала телефон.

Глава 4. Привычка

Всё началось довольно невинно. С сообщения в восемь двадцать три утра.

«Доброе утро. Надеюсь, у тебя сегодня не будет войны с бухгалтером».

Эмма прочитала его, стоя посреди кухни в носках и с чайником в руке. Потом прочитала ещё раз. Чайник щёлкнул. Она не ответила сразу. Налила воду в кружку, нашла на столе пакетик чая, который вчера забыла выбросить, и только потом взяла телефон.

«Пока тихо. Но я не расслабляюсь».

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Это разумно».

Эмма скривила губы в усмешке. Ей не хотелось привыкать к тому, что утром её кто-то ждёт в телефоне. Это выглядело опасно. Люди быстро приучаются к хорошему, а потом очень удивляются, когда хорошее перестаёт приходить. Но она всё равно ждала. Не сидела с телефоном в руках, конечно. У неё был магазин, поставки, счета, сотрудники, авторы, которым срочно нужно было узнать, почему она ещё не прислала правки по рукописи. Просто иногда, открывая дверь магазина, она проверяла экран.

Иногда ловила себя на этом уже после. В четверг Дэниел написал ей из какого-то строительного магазина. Прислал

фотографию плитки. Серо-зелёной, почти синей, с тонкой светлой прожилкой.

«Скажи честно. Это красиво или я уже настолько устал, что начинаю видеть поэзию в кафеле?»

Эмма смотрела на фото прямо посреди зала, пока Софи раскладывала у кассы новые блокноты.

«Это красиво. Но если ты спросишь меня про цвет затирки, я перестану уважать тебя как мужчину».

Через минуту пришло:

«Поздно. Цвет затирки тоже важен».

Эмма рассмеялась так неожиданно, что Софи подняла голову.

— Что?

— Ничего.

— Ты улыбаешься в телефон.

— Не начинай.

Софи прищурилась.

— Это мужчина?

— Почему все вокруг решили, что мне нельзя просто улыбаться в телефон?

— Потому что обычно ты улыбаешься только тогда, когда поставщик наконец присылает то, что обещал.

Эмма посмотрела на неё.

— Это очень грустно.

— Зато правдиво.

К полудню Дэниел написал снова.

«Ты сегодня до скольки?»

Эмма посмотрела на сообщение и почему-то сразу почувствовала, как внутри всё стало чуть внимательнее. Не тревожно. Просто как перед звонком, который ты ждала, хотя сама себе не признавалась.

«До семи».

«Я могу зайти?»

Она смотрела на экран несколько секунд. Потом написала: «Можешь. Но если принесёшь ужасный кофе, я не буду делать вид, что мне понравилось».

Ответ пришёл почти сразу.

«Это давление».

«Это честность».

«Ладно. Я рискну».

В шесть сорок пять магазин почти опустел. Последняя покупательница долго выбирала между двумя одинаковыми ежедневниками, будто от этого выбора зависел весь её следующий год. Потом всё-таки купила оба. Софи ушла десять минут назад, пообещав утром прийти пораньше. Эмма уже выключила половину света и складывала на прилавке чеки, когда колокольчик над дверью звякнул. Она подняла глаза. Дэниел вошёл с двумя стаканчиками кофе. На нём была тёмная рубашка, рукава снова закатаны до локтей. Волосы чуть растрепались от ветра. Он выглядел так, будто весь день был занят чем-то настоящим, а не сидел в офисе и делал вид, что работает.

Эмма сразу поймала себя на мысли, что рада его видеть. И это уже начинало слегка раздражать.

— Я пришёл с предложением мира, — сказал он, поднимая один из стаканчиков.

— Смотря что внутри.

— Американо. Без молока. Без сиропа. Без взбитых сливок и сложной душевной истории.

Эмма взяла кофе.

— Хорошо запомнил.

— Ты говорила это с такой угрозой, что сложно было забыть.

Она сделала глоток. Кофе был отличный. К сожалению.

— Ну?

Он смотрел на неё с лёгкой улыбкой. Эмма вздохнула.

— Нормально.

— Нормально?

— Очень хорошо. Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо сказало.

Он поставил свой стаканчик на прилавок.

— Чем могу помочь?

Эмма обвела взглядом магазин. На полу стояла коробка с книгами, которые нужно было разобрать. У витрины лежали рулоны бумаги для новой выкладки. На дальнем стеллаже несколько книг стояли криво, будто кто-то специально решил проверить её психику.

— Ничем.

— Это звучит неправдоподобно.

— Я не люблю, когда люди трогают мои книги.

— Я заметил.

— Правда?

— Ты поправила одну книгу за моей спиной, пока я с тобой разговаривал.

Эмма замерла.

— Она стояла корешком внутрь.

— Я не спорю.

— Это был кошмар.

Дэниел улыбнулся одними глазами.

— Тогда не буду мешать.

Он взял кофе и отошёл к полке с новинками. Эмма продолжила складывать чеки, но через минуту поняла, что уже третий раз перекладывает одну и ту же бумажку. Дэниел не лез. Не начинал расспрашивать, почему она задерживается после закрытия. Не говорил, что ей нужно отдохнуть. Просто стоял у стеллажа, листал книгу и время от времени делал глоток кофе. Это было удобно. Слишком удобно.

— Что читаешь? — спросила она.

Он поднял книгу.

— Не знаю пока. Ты её одобряешь?

Эмма подошла ближе.

— Это биография художницы.

— Хорошая?

— Хорошая. Но грустная.

— Ты всё время продаёшь мне грустное.

— Ты сам выбираешь.

— Я просто доверяю тебе.

Она посмотрела на него. Фраза была обычная. Но от неё почему-то стало тихо внутри. Эмма взяла книгу из его рук, открыла на первой странице.

— Тут есть одна проблема.

— Какая?

— После неё тебе захочется бросить всё, уехать жить к морю и начать рисовать голых людей углём.

— Не худший план.

— У тебя архитектурное бюро.

— Оно переживёт.

— Ты говоришь так, будто у тебя там всё само работает.

Он чуть улыбнулся.

— Нет. Там ничего само не работает. Просто я научился не паниковать от каждого письма.

Эмма подняла бровь.

— Значит, ты либо очень зрелый, либо просто врёшь.

— Наверное, понемногу и того и другого.

Он сказал это легко. Без попытки сделать из себя загадку. Эмма поставила книгу обратно.

— Ты сегодня просто за кофе пришёл?

— Нет.

Она посмотрела на него. Дэниел сделал паузу, короткую,

нормальную.

— В пятницу вечером ты свободна?

Эмма тут же подумала о пятнице. В пятницу у неё не было ничего срочного. Софи закрывала смену. Бухгалтер обещал прислать документы утром. Карла вроде собиралась к сестре. То есть объективно причин отказываться не было. Это почему-то не облегчало задачу.

— А что ты предлагаешь?

— Ужин.

— Просто ужин?

— Просто ужин.

— В каком-нибудь месте, где надо знать правила пользования тремя вилками?

Он хмыкнул, забавляясь.

— Нет. Я знаю одно небольшое место. Там хорошая еда, нормальные стулья и никто не посмотрит на тебя косо, если ты закажешь десерт раньше основного блюда.

— Это очень сильный аргумент.

— Я старался.

Она посмотрела на него. В магазине было тихо. За окнами уже темнело. Где-то на улице хлопнула дверь машины, потом затихли шаги. Дэниел ждал. Не торопил.

— Хорошо, — сказала Эмма. — В пятницу.

Он коротко кивнул.

— Хорошо.

— Только если это окажется ужасный ресторан, я буду

честной.

— Я уже понял, что ты будешь честной.

— Не всегда.

— Правда?

Эмма сделала глоток кофе.

— Иногда я просто устаю спорить.

Дэниел посмотрел на неё внимательнее. Но ничего не сказал. И Эмма была ему за это благодарна. Он не стал превращать случайную фразу в психологический анализ. Не спросил, с кем ей приходится спорить. Не сделал вид, что понял её лучше, чем мог понять мужчина, которого она знает чуть больше недели. Просто сказал:

— Тогда в пятницу можешь ничего не объяснять. Тебе достаточно прийти.

Эмма не сдержала улыбку.

— Это, кстати, звучит приятно.

— Я надеялся.

Он допил кофе и поставил пустой стаканчик на прилавок.

— Мне пора.

— Уже?

Слово вылетело раньше, чем она успела его остановить. Дэниел посмотрел на неё. Не улыбнулся широко. Не поддел. Только чуть наклонил голову.

— Да. Завтра ранняя встреча.

Эмма почувствовала, как у неё теплеют щёки.

— Я просто думала, ты ещё будешь выбирать книгу.

— Я выберу в пятницу.

— Это очень нагло.

— Ты сама сказала, что умеешь быть честной.

— Я не говорила, что умею терпеть наглость.

— Увидимся в пятницу, Эмма.

Она поставила пустой стаканчик рядом с его.

— Увидимся.

Он ушёл. Дверь закрылась за ней, и магазин снова стал пустым. Эмма стояла у прилавка ещё с минуту. Потом посмотрела на два стаканчика из-под кофе. Один её. Один его. И почему-то не выбросила их сразу.

В пятницу с утра Эмма решила, что не будет делать из ужина событие. Это была взрослая, разумная мысль. Она продержалась до обеда. К трём часам она уже трижды открывала шкаф в подсобке, где держала запасной свитер, и думала, не съездить ли домой раньше. К четырём сказала себе, что это идиотизм. К пяти всё-таки позвонила Софи.

— Ты можешь закрыть сегодня без меня?

На том конце повисла пауза.

— Вы заболели?

— Почему все решили, что я либо болею, либо схожу с ума, если ухожу из магазина до восьми?

— Потому что обычно вы уходите после восьми.

— Спасибо, Софи. Очень поддерживающе.

— У вас свидание?

Эмма закрыла глаза.

— Просто закрой магазин, пожалуйста.

Софи тихо рассмеялась.

— Я всё поняла.

— Ты ничего не поняла.

— Конечно.

Она отключилась. Эмма посмотрела на телефон. Потом на часы. До шести оставалось сорок минут. Нормальный человек спокойно закончил бы работу, поехал домой, переоделся и вышел. Эмма же зачем-то открыла заметки, проверила список поставок на понедельник, ответила на два письма, потом ещё раз проверила, включила ли Софи свет у витрины, и только после этого схватила сумку. Когда она добралась домой, было уже без десяти семь. Ужин был назначен на восемь.

— Отлично, — сказала Эмма, заходя в квартиру. — Просто идеально.

Она бросила сумку на кухонный стол и пошла в спальню. Первое платье показалось ей слишком нарядным. Второе, наоборот, выглядело так, будто она собралась обсуждать новый договор аренды. В джинсах было безопасно, но слишком безопасно. Она уже почти решила надеть их, потом вспомнила лицо Карлы и представила, как та скажет: «Ты собираешься на свидание или менять шины?» В итоге Эмма выбрала тёмные брюки, чёрную блузку и тонкие серьги, которые почти никогда не носила. Посмотрела на себя в зеркало. Нормально. Не слишком старалась. Немного старалась.

Можно жить. Телефон завибрировал в семь сорок две.

«Я буду у ресторана в восемь. Не спеши».

Эмма прочитала сообщение и сразу посмотрела на время.

Потом набрала:

«Поздно. Я уже спешу».

Ответ пришёл быстро.

«Хорошо. Тогда я сделаю вид, что не заметил».

Эмма улыбнулась одними глазами. Потом схватила пальто и вышла из квартиры. Ресторан оказался на тихой улице в десяти минутах от центра. Не модный, не слишком дорогой, без вывески, которую видно за два квартала. За окнами горел мягкий свет, внутри былолюдно, но не шумно. У входа стояли несколько пар, кто-то смеялся, кто-то ждал столик, кто-то уже спорил, потому что бронирование почему-то исчезло.

Дэниел ждал у двери. Он увидел её сразу. На нём был тёмный пиджак и светлая рубашка без галстука. Ничего вычурного. Просто аккуратно, спокойно, как будто он всегда так выглядел и не тратил на это больше двух минут. Эмма ненавидела мужчин, которые умеют выглядеть хорошо без видимых усилий. Это было несправедливо.

— Ты вовремя, — сказал он.

— Я почти опоздала.

— Почти не считается.

— Очень удобно.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Ты хорошо выглядишь.

Эмма тут же почувствовала, как у неё внутри всё сжалось. Не от тревоги. От того тупого, приятного чувства, которое появляется, когда человек сказал ровно то, что тебе хотелось услышать.

— Спасибо, — сказала она. — Ты тоже.

Дэниел улыбнулся.

— Это звучит так, будто ты выполняешь обязательство.

— Я просто не умею принимать комплименты.

— Я заметил.

— Не начинай.

Он открыл перед ней дверь.

— Даже не собирался.

Хостес проводила их к столику у стены. Над ним висела маленькая лампа, дававшая тёплый свет. Рядом сидела пожилая пара и тихо спорила о вине. За дальним столиком компания из шести человек пыталась решить, кто будет платить. Эмма сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— Ты часто сюда ходишь?

— Иногда.

— Ты опять отвечаешь так, будто скрываешь важную информацию.

— Я просто не люблю звучать как человек, который составил себе маршрут по любимым ресторанам.

— А ты составил?

— Нет.

— Жаль. Я бы почитала.

Официант принёс меню и воду. Эмма открыла меню, пробежала глазами по строчкам и сразу пожалела. Там было слишком много всего. Слишком много красивых названий, в которых она не понимала половину слов.

— Ну? — спросил Дэниел. — Нашла что-нибудь?

— Я пытаюсь понять, почему у них обычная курица называется «фермерская птица с сезонным гарниром».

— Потому что за «курицу с картошкой» они не смогут взять столько денег.

— Вот. Ты понимаешь людей.

— Иногда.

Эмма взглянула на него поверх меню.

— Ты сказал это с таким лицом, будто сейчас опять начнёшь говорить о профессиональном наблюдении.

— Не буду. Сегодня я отдыхаю.

— От чего?

— От людей, которые меняют мнение о кухне три раза за одну встречу.

— Клиенты?

— Клиенты.

Он отложил меню.

— У меня сейчас один проект. Дом за городом. Большой участок, озеро, стеклянная стена в гостиной. Всё красиво, пока хозяин не начинает писать мне в час ночи, что ему внезапно перестала нравиться лестница.

Эмма усмехнулась.

— А раньше нравилась?

— Две недели.

— Это неплохой срок для лестницы.

— Я тоже так думаю.

— И что ты делаешь?

— Отправляю ему новые варианты.

— В час ночи?

— Иногда утром.

— Вот это уже здоровая граница.

— Я учусь.

Эмма кивнула.

— Это сложно.

— Что?

— Не отвечать сразу.

Дэниел посмотрел на неё. Она чуть пожала плечами.

— Люди быстро привыкают, что ты всегда доступна. Потом если не отвечаешь двадцать минут, уже кажется, что случилась катастрофа.

— В магазине так?

— Везде так. Авторы, поставщики, бухгалтер, Карла. Все почему-то уверены, что я сижу и жду, когда кому-нибудь понадобится.

— А ты ждёшь?

Эмма открыла рот, чтобы ответить сразу. Потом закрыла.

— Иногда.

Дэниел не улыбнулся. Не стал ловить её на этом слове.

Просто налил ей воды.

— Тогда сегодня никто тебя не ждёт.

Эмма посмотрела на него. Фраза была простой. И от неё почему-то стало легче. Они заказали еду. Дэниел выбрал быстро. Эмма ещё минуту сомневалась между пастой и рыбой, потом взяла пасту, потому что не хотела принимать сложных решений там, где можно было просто поесть. Когда официант ушёл, Дэниел откинулся на спинку стула.

— Карла знает, что ты здесь?

Эмма рассмеялась.

— Она бы очень обиделась, если бы не знала.

— И что сказала?

— Что ты обязан пройти проверку.

— Уже боюсь.

— Она хочет выяснить, кто ты, сколько тебе лет, где ты работаешь, был ли ты женат и не хранишь ли ты бывших в подвале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.